

муломъ, опредѣляющимъ жизнь. Вѣра должна одушевлять сердце и налагать на челоуѣка опредѣленные обязанности. Вѣра, не осуществляемая въ жизни, есть мертвая вѣра. Правильное служеніе Богу не можетъ быть совершаемо одиноко. Отъ первыхъ вѣковъ христіанства существуетъ Христова Церковь, домъ Христовъ, семья Христова, частью которой нужно быть каждому вѣрующему во Христа. Въ церкви накопленъ огромный опытъ христіанской жизни, Церковь имѣетъ непрерывную связь съ Господомъ Иисусомъ Христомъ, Ее возглавляющимъ, въ Церкви дѣйствуетъ благодатная Сила Святаго Духа. Только будучи въ Церкви, можно оцѣнить значеніе и силу Ея установленій, и понять различіе въ путяхъ вѣроисповѣданій, въ полнотѣ сообщаемой ими духовной жизни и въ средствахъ спасенія.

Въ современной молодежи существуетъ отрицательное отношеніе ко всему отвлеченному, теоретическому, далекому отъ жизни. Она ищетъ реальнаго, практическаго, жизненнаго. Въ этомъ нѣтъ ничего плохого. Ей надо показать, что и христіанство не есть отвлеченная, разсудочная философія. Евангеліе есть жизненная правда о Богѣ и челоуѣкѣ. Оно призываетъ не къ умствованіямъ, а къ жизни во Христѣ, къ царству Божію. Оно должно

быть осуществляемо реально, жизненно. Это и надо указать молодежи, къ этому нужно звать ее, а для этого и самимъ быть готовыми на подвигъ.

Христіанское сотрудничество пастырей и молодежи требуетъ обоюдной жертвенности, безъ которой совмѣстная работа невозможна.

Со стороны пастыря необходима искренняя любовь къ молодежи, принятіе молодежи въ свое сердце. Пастырь долженъ быть самъ молодъ не только по возрасту, но и по внутреннему молодому горѣнію сердца, по любви ко Христу и Евангелію, по совершенному безкорыстію. Только при такомъ настроеніи у него можетъ оказаться общая точка пересѣченія его жизни съ жизнью молодежи.

Но и отъ молодежи требуется жертвенность — духовное горѣніе, жажда истины, искренняя вѣра, готовность всѣмъ пожертвовать для истины. Только при такомъ условіи обѣ стороны смогутъ слиться во единую въ своемъ христіанскомъ дѣланіи, стануть другъ другу близкими и понятными, будутъ дружно идти къ одной общей цѣли, переживать общія радости и горести...

Такова та современная христіанская задача, которую должны совмѣстно разрѣшить православные пастыри и молодежь, и которую ставятъ передъ ними жизнь.

Протоіерей Сергій Четвериковъ

Кризисъ христіанства и кризисъ культуры

Докладъ Н. А. Бердяева на сѣздѣ Лиги Православной культуры*).

Когда ставится проблема православной культуры, то прежде всего нужно сказать, что эта проблема связана съ двустороннимъ кризисомъ — глубокимъ кризисомъ христіанства и глубокимъ кризи-

сомъ культуры. Кризисъ происходитъ и въ Православіи, и въ русской культурѣ, существенно связанной съ православіемъ, и въ западномъ христіанствѣ и западной культурѣ. Кризисъ тамъ и здѣсь происходитъ по разному, но можно сказать, что и кризисъ христіанства, и кризисъ культуры есть кризисъ дуалистиче-

*) Сокращенная записъ. Отчетъ о сѣздѣ будетъ въ слѣдующемъ №.

ской системы взаимоотношений между христианством и культурой; она привела въ тупикъ и христианство, и культуру. Выражается этотъ дуализмъ въ томъ, что личная, интимная духовная жизнь христианина и его участие въ культурномъ творествѣ разрываются. Этотъ разрывъ невыносимъ, и онъ переходитъ или въ отпаденіе отъ Христа, — тогда кризисъ выступаетъ какъ кризисъ культуры не христианской, антихристовой; или — въ монашескій уходъ отъ міра, отъ культурнаго творчества; тогда кризиса собственно нѣтъ, но нѣтъ и христианской культуры. На почвѣ Православія **догматически** культурное творчество оправдано, не проблема соотношенія Православія и культуры еще не была разрѣшена. Проблема культуры въ Православіи не была даже поставлена, если не считать исканій русской религіозной мысли 19 и 20 вѣковъ, гдѣ эта проблема ставилась остро, но именно потому особенно остро, что въ Православіи она практически не разрѣшалась. Въ западномъ мірѣ, гдѣ были попытки построенія христианской культуры, проблема такъ остро не ставилась. Это не значитъ, что въ Россіи не было православной культуры, она несомнѣнно существовала. На западѣ — въ отличіе отъ востока — христианство было вовлечено въ культурно - творческій процессъ, всегда переплеталось съ гуманизмомъ. Гуманизмъ въ первой формации былъ гуманизмомъ христианскимъ, — позднѣе онъ сталъ нейтральнымъ и, наконецъ, — антихристианскимъ. Въ процессахъ, совершавшихся въ западномъ христианствѣ, Церковь и потребности религіозной жизни были слишкомъ подчинены культурнымъ процессамъ, т. е. религія стала одной изъ частей общаго культурнаго процесса и подверглась обмірщенію. Это обмірщеніе не только упрекъ западному христианству, который мы часто ему ставимъ, но въ этомъ и его величіе. Путь православнаго Востока сложился такъ,

что на русскомъ востокѣ, отождествляемомъ въ русскомъ сознаніи часто съ Православіемъ вообще, процессъ сочетанія Церкви и культуры принялъ катастрофическое направленіе, окончился срывомъ въ революцію. Въ катастрофической формѣ изживается то, что Западъ изживалъ медленно въ теченіе вѣковъ.

Западъ переживаетъ сейчасъ очень остро двойной кризисъ — кризисъ христианскаго сознанія и жизни и кризисъ самой секуляризированной, лаицизированной, а религіозной культуры. Это процессъ, у котораго мы многому можемъ и должны научиться. Это тѣмъ болѣе обязательно, что мы живемъ въ эпоху, когда рѣшеніе проблемы уже не можетъ быть національно и конфессіонально изолированнымъ.

Что же происходитъ на Западѣ? Западный міръ въ теченіе послѣднихъ столѣтій постепенно терялъ духовные истоки и основы своей культуры, и къ 20 вѣку начался процессъ, который можетъ быть опредѣленъ какъ перерожденіе могучей культуры въ могущественную механическую цивилизацію, угрожающую исчезновеніемъ самой человѣческой личности. Высокое качественное культурное продолжаетъ существовать, при ослабленіи творческой силы. Культура хранится въ узкомъ словѣ элиты, утонченнаго меньшинства, культура остается культурой аристократической. Но эта культурная элита, сознавая свою оторванность отъ большихъ социальныхъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и начинаетъ ощущать свое безсиліе и ненужность въ судьбахъ міра. Это можно назвать социальнымъ кризисомъ культуры. Этотъ кризисъ ставитъ вопросъ о соотношеніи аристократическаго и демократическаго элементовъ въ культурномъ творествѣ. Культура аристократична по своему существу, и не можетъ быть иной, но при нарушеніи соотношенія элементовъ, она неизбежно

приходить къ разрыву, къ утратѣ цѣлостности, потому что извѣстныя формы культуры оказываются свойственными только небольшому аристократическому слою.

Исключительное утвержденіе аристократизма культуры можетъ привести къ культурному кризису, катастрофѣ. Этотъ процессъ особенно остро ощущается на Западѣ, въ частности — во Франціи. Если взять противоположный процессъ демократизаціи культуры, происходящій неотвратно, то онъ грозитъ вульгаризаціей культуры, отрывомъ культуры отъ духовныхъ истоковъ и, въ сущности, утратой культуры въ настоящемъ глубокомъ смыслѣ слова. Въ этомъ и заключается основная антиномія, которую мучительно переживаетъ Западъ. Съ одной стороны борьба аристократическихъ слоевъ за сохраненіе и продолжающуюся аристократизацію культуры, и съ другой — борьба демократическихъ слоевъ за широкое распространеніе культуры и, слѣдовательно, вульгаризацію ея. Выхода на путяхъ культуры не видно. Это западный міръ сознаетъ ясно. Аристократическій культурный слой переживаетъ свою судьбу какъ ожиданіе неотвратимой гибели, воодушевляется пафосомъ смерти, — если неизбежно суждено умереть, то благородные представители культуры предпочитаютъ умереть съ пафосомъ. Только на почвѣ христіанства, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, возможенъ выходъ, возможно сочетаніе двухъ началъ — аристократической природы культуры и соціальной потребности въ демократизированной культурѣ безъ того, чтобъ аристократическая культура чувствовала себя не участвующей въ основныхъ процессахъ жизни, и безъ того, чтобы демократизація культуры вела къ снижению качества культуры. Въ христіанствѣ есть оба истока. Христіанство можетъ сохранить благородныя стороны культуры и обратить ее къ широкимъ процессамъ, происходящимъ въ мірѣ, не предавая ея благородства. Это — основ-

ное положеніе, безъ этого — выхода нѣтъ.

Кризисъ культуры на Западѣ не означаетъ, что христіанство на западѣ оскудѣло или изсякло. Христіанство на Западѣ сильнѣе, чѣмъ кажется, и оно пыталось осуществить себя гораздо сильнѣе и больше, чѣмъ думаемъ мы. Силой христіанства и объясняется острота и мучительность процесса — все такъ сильно, потому что все до конца ставится и изживается.

Если возьмемъ христіанскія теченія на Западѣ, то въ 19 и въ началѣ 20 вѣка, и въ протестантизмѣ, и въ католициствѣ, преобладающими являются теченія либеральныя. Протестантскій модернизмъ охватываетъ теченія отъ Шлейермахера до Ричля, католическій — отъ соціального модернизма XIX вѣка до католическаго модернизма въ собственномъ смыслѣ слова, — теченія начала 20 в. Эти теченія какъ будто ставятъ проблему, насъ интересующую. Представители этихъ теченій, оставаясь католиками, протестантами, пристально вглядываются въ процессы, совершающіеся въ мірѣ и стараются объединить ихъ со своими христіанскими взглядами, ставятъ вопросъ о соединеніи современнаго знанія съ христіанствомъ и съ соціальной жизнью, отъ которыхъ христіанское сознаніе какъ будто отставало. Они защищаютъ свободы науки и соціальной жизни, но религіозно углубленной органической проработки поставленной проблемы въ этихъ теченіяхъ не было; — христіанство въ нихъ ослаблялось, а иногда и совершенно вывѣтривалось. Въ этихъ теченіяхъ не столько христіанство ассимилировало культуру и вбирало продукты ея творчества, сколько подчинилось культурѣ и, подчиняясь, ослаблялось въ своей сущности. Модернизмъ и католическій, и протестантскій — не характерны для современнаго Запада.

Наиболѣе интересныя и творческія теченія современнаго западнаго христіан-

ства не умѣщаются въ рамки былого модернизма, идутъ подъ другимъ знакомъ. Кризисъ переживается мучительно, но совершенно иначе, чѣмъ это происходило въ прошломъ. Если остановиться на наиболѣе характерныхъ современныхъ исканіяхъ западной христіанской мысли, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить въ католичествѣ въ качествѣ наиболѣе живого теченія возрожденіе **томизма**. Томизмъ — правильнѣе было бы назвать нео-томизмомъ, но католики не любятъ такъ называть его, потому что въ такомъ наименованіи есть привкусъ модернизма., — томизмъ особенно силенъ во Франціи. Ж. Маритэнъ — одинъ изъ виднѣйшихъ представителей этого теченія во Франціи, превратилъ его изъ школьнаго теченія, какимъ онъ былъ у зачинателей, въ культурное движеніе, захватывающее всѣ виды культурнаго творчества. Неотомисты стремятся свести счеты со всѣми теченіями католической мысли и вообще мысли на почвѣ возрожденной философіи **Томы Аквината**, примѣняясь къ новымъ теченіямъ и преодолевая ихъ. Но преодоленіе — вещь опасная, такъ какъ преодолеваемое всегда тайно привходитъ въ преодолевающего.

Томическая традиція имѣетъ свое рѣшеніе культурной проблемы, и рѣшеніе это можетъ произвести импонирующее впечатленіе. Томизмъ гораздо болѣе культуренъ по своей природѣ, чѣмъ онъ самъ думаетъ. Система томизма есть система іерархически соподчиненныхъ ступеней, изъ которыхъ каждая объемлетъ свой самостоятельный міръ и вмѣстѣ іерархически соподчиняется слѣдующей. Томизмъ утверждаетъ на одной ступени самостоятельность натуральной активности, натуральной философіи, естественнаго богопознанія, естественной морали, къ которой потомъ присоединяются теологическія добродѣтели, привносимыя изъ высшей сферы; дальше слѣдуютъ ступени, связанныя съ Богопознаніемъ, основаннымъ на откро-

веніи, еще дальше ступень мистическаго созерцанія. Ступени соподчинены, но такъ, что каждая ступень имѣетъ свою самостоятельную жизнь. Культура, какъ принадлежащая къ низшей ступени, признается и оправдывается въ своей автономности, самобытности, но надъ ней существуетъ суровый контролеръ — теологъ, который на все можетъ наложить запретъ, но онъ не мѣшаетъ жить. Эта концепція принципиально оправдываетъ культуру. Католичество всегда обладало способностью необычайно сильной внутренней ассимиляціи культуры — оно сначала сжигало провозвѣстниковъ новыхъ культурныхъ путей, а потомъ внутренне ассимилировало то, что приносили эти пути. Про католичество можно сказать, что оно умѣетъ овладѣвать всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ, включительно до техники. Въ этомъ колоссальная сила католичества, его своеобразное величіе. Томизмъ есть преобладающее католическое культурное теченіе, не похожее на модернизмъ, ибо модернизмъ соединяетъ вѣру съ различными теченіями механически, томизмъ же пытается соединить ихъ органически.

Есть еще одно теченіе очень связанное съ проблемой культуры — литургическое, возглавляемое въ Германіи Гуардини. Въ свѣтѣ литургіи дается оправданіе и обоснованіе культуры, т. к. мистическая жизнь Церкви есть начатокъ преображенія твари, продолженіе спасительнаго дѣла Христова. Литургическое теченіе существенно культурно-религіозное.

Что имѣется въ протестантизмѣ? Міръ англо-саксонскій переживаетъ меньше потрясеній и внутреннихъ кризисовъ, такъ какъ остается вѣрнѣе прагматическому, непосредственно-практическому воспріятію и раскрытію христіанства. Актуальный характеръ англо-саксонскаго протестантизма, въ силу котораго онъ всегда находитъ формы соціальной активности, смягчаетъ острую кризиса сознанія. Острыя формы

сознанія кризиса проявляються въ протестантизмъ германскомъ, главнымъ образомъ, въ теченіи, связанномъ съ именемъ К. Барта — бартіанствѣ. Бартіанство — одна изъ разновидностей возрожденія протестантизма на почвѣ возвращенія къ религіознымъ истокамъ реформациі, на почвѣ возрожденія кальвинизма. Нужно сказать нѣсколько словъ о бартіанствѣ съ точки зрѣнія сущности христіанской культуры. Здѣсь обнаруживается иное, чѣмъ въ томизмѣ. Томизмъ представляетъ попытку органическаго рѣшенія проблемы культуры, вопросъ о культурѣ признается въ принципѣ рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ. Здѣсь имѣетъ значеніе то, что томизмъ развивается въ средѣ, не пережившей остро кризиса культуры; это система послѣдовательнаго оптимистическаго отношенія къ культурѣ. Въ бартіанствѣ обнаруживается сознаніе трагизма, безысходности въ рѣшеніи проблемы. Эта безысходность связана съ процессомъ бурнаго и страстнаго протеста противъ вывѣтриванія христіанства въ либеральномъ протестантизмѣ 19-20 вѣковъ, вытекаетъ изъ напряженнаго желанія вернуться къ источникамъ откровенія, вырастаетъ изъ возстанія противъ романтической интерпретаціи христіанства. Основное переживаніе, всецѣло властвующее бартіанствомъ — сознаніе глубочайшаго кризиса. Для бартіанства — самое явленіе Христа есть кризисъ, катастрофа для міра. Сознаніе этой катастрофичности ослабѣваетъ только при ослабленіи непосредственнаго отношенія къ христіанскому откровенію. Въ извѣстномъ смыслѣ бартіанство есть своеобразная эсхатологическая концепція христіанства. Откровеніе для бартіанства — катастрофа, конецъ міра, такъ какъ откровеніе несовмѣстимо съ міромъ. Проблема міра и христіанства ставится антагонистически — или христіанство, или міръ — надо выбирать. Бартъ подъ вліяніемъ датскаго мыслителя Кирхегардта, въ

свое время замолчаннаго, и лишь теперь оцѣненнаго. Всѣ народы германской культуры считаютъ его сейчасъ своимъ пророкомъ. Бартъ пытается въ сущности смягчить, сгладить Кирхегардта, бурно возстающаго противъ господствующаго протестантизма, противъ протестантскихъ церквей, обвиняющаго ихъ въ оппортунизмѣ и приспособленчествѣ. Кирхегардтъ съ особой силой переживалъ абсолютную катастрофичность христіанства и не могъ совершенно вынести того, что христіанство вошло въ исторію міра. Міръ отъ этого претерпѣлъ измѣненіе, но и христіанство въ свою очередь подверглось глубокому перерожденію. Кирхегардтъ признаетъ христіанство только не вошедшее въ исторію, которое входитъ въ міръ, какъ катастрофа, и къ этому катастрофическому пониманію необходимо вернуться. Трансцендентность христіанства по отношенію къ міру должна привести къ отрицанію Боговоплощенія, такъ какъ Боговоплощеніе тоже есть компромиссъ съ міромъ, но со стороны Бога. Предъ лицомъ такого міровоззрѣнія вся человѣческая жизнь и культура вступаютъ въ періодъ кризиса. Культура есть слѣдствіе активности человѣка; создаваемый ею міръ ни въ какой мѣрѣ не соизмѣримъ со Словомъ Божиимъ, откровеніемъ Христа. Бартіанство, отрицая, какъ будто, культуру, объединяетъ людей высокой культуры, дѣлающихъ культурное дѣло. У нихъ есть острое переживаніе соціальнаго призванія христіанства. Возставая со всей силой противъ растворенія Церкви въ процессъ культуры, бартіанцы настроены соціально - революціонно. Они ощущаютъ, что кризисъ соціальныхъ отношеній достигъ такой силы, что онъ можетъ завершиться только созданіемъ новыхъ соціальныхъ формъ.

Этому возникновенію новаго должно предшествовать оголеніе, агонія, обнищаніе, смерть существующихъ соціальныхъ формъ. Наиболѣе ярокъ въ этомъ отно-

шеніи главный представитель религіознаго социализма Тиллихъ. Процессъ религіозно-пролетарскій обозначаетъ—«кайросъ»* катастрофическій прорывъ во времени. Пролетаризація имѣетъ положительное значеніе, являясь ступеню къ грядущему возрожденію — нужно достичь сознанія крайней матеріальной и духовной нищеты, чтобы возжаждать духовнаго общенія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ смѣлой попыткой социально - революціоннаго воссозданія Церкви, какъ социальнаго тѣла.

Въ этихъ исканіяхъ не ставится проблемы о человѣкѣ и человѣческомъ творествѣ. Человѣкъ уничтожается и даже отрицается. Онъ только «Зюндеръ» — грѣшникъ и только грѣшникъ, — человѣкъ есть грѣхъ.

Въ сущности для всѣхъ современныхъ теченій Запада характеренъ процессъ религіознаго и внѣрелигіознаго уничтоженія человѣка, являющийся результатомъ разрыва истины о богочеловѣчествѣ Христа и богочеловѣческомъ процессѣ.

Наряду съ кризисомъ христіанства происходитъ и кризисъ самой культуры. Прежде всего секуляризація — двойственный процессъ, и видѣть въ ней только отрицательную сторону было бы неправильно. Въ секуляризаціи культуры есть и положительная цѣнность — это изживаніе свободы человѣческаго пути, свободы человѣческаго творчества. Это должно быть изжито до конца. Если смотрѣть на процессъ секуляризаціи изнутри самой культуры, исходить изъ того, что переживаетъ самъ культурный чело-

*) «Кайросъ» (*kairos*) — (періодъ, время) терминъ истолковывается какъ «мгновеніе, исполненное вѣчностью». Въ «кайросѣ» «соприкасаются настоящее и будущее, святыни данныя и святыни заданныя». Изъ этого касанія рождается «новое творчество, осуществляющее святое содержаніе въ новой и должной формѣ». Прямѣч. Редакціи.

вѣкъ, утверждающій автономію сферъ культуры и непредѣльность свободы, то онъ переживаетъ нѣчто иное, чѣмъ человѣкъ, стоящій въ церкви. Въ церковномъ ученіи человѣкъ находитъ опредѣленное содержаніе свободы и творчества человѣка.

Внѣ церкви это опредѣленіе безпредметно. Человѣкъ свободенъ отъ чего то, но неизвѣстно для чего свободенъ; — на этой почвѣ секуляризованая культура приходитъ къ тупику, вызываетъ къ жизни тѣ неопредѣленныя еще религіозныя исканія, которыя такъ характерны сейчасъ для всего міра. Укажемъ нѣкоторыя теченія современной философской мысли, которая наиболѣе напряженно работаетъ въ Германіи. Отмѣтимъ М. Шелера, Н. Гартмана, Гейддегера. Шелеръ сначала перешелъ въ католичество, пытаясь рѣшить проблему культуры, потомъ отпалъ отъ католичества и вступилъ въ періодъ неопредѣленныхъ религіозныхъ блужданій. Шелеръ — живой свидѣтель существующаго безпокойства. Его произведенія — выраженіе этого безпокойства, духовныхъ исканій. Н. Гартманъ и Гейддегеръ, не имѣющие отношенія къ специфическимъ религіознымъ теченіямъ, обнаруживаютъ большее религіозное безпокойство и религіозную основу. Н. Гартманъ приходитъ къ такому обоснованію постулата атеизма, что это обоснованіе свидѣтельствуетъ о безсознательно-религіозной основѣ его философіи. Атеизмъ Гартмана — атеизмъ особаго рода. Онъ не связанъ съ материализмомъ, онъ основанъ на вывернутомъ наизнанку «нравственномъ» постулатѣ Канта. Небытіе Бога есть требованіе нравственной жизни — оно предполагается человѣческой свободой и нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Если Богъ есть, Онъ не соединимъ съ человѣческой свободой, съ нравственнымъ актомъ. Бытіе Бога уничтожаетъ возможность моральной дѣятельности и жизни. Гартманъ не увѣренъ, что Бо-

га нѣтъ, но если Онъ есть, то это несчастье. Гейддегеръ воспитанникъ католической іезуитской школы, но потерялъ вѣру. Онъ проповѣдуетъ самую пессимистическую и суровую философію, по сравненію съ ней пессимизмъ Шопенгауэра очень оптимистиченъ. Гейддегеръ — атеистъ, но атеистъ тоже особаго рода, атеистъ, въ философіи котораго сохранены полностью всѣ теологическія предпосылки христіанства. Философія эта учитъ о мірѣ падшемъ и покинутомъ, но неизвѣстно почему и отъ отчего отпавшемъ, кѣмъ покинутомъ, говорить о первородномъ грѣхѣ со всѣми его послѣдствіями для существованія міра, но безъ Бога. Падшество и покинутость есть сущность бытія. Вся система Гейддегера проникнута религіознымъ безпокойствомъ предъ лицомъ смерти, ужаса смерти, предъ грѣховностью міра, какъ его основнымъ качествомъ. Это какъ бы своеобразная система христіанской метафизики, но безъ Бога.

Во Франціи, странѣ утонченной культуры, идутъ мучительныя исканія новаго гуманизма, возникшія какъ результатъ сознанія кризиса прежняго, являющіяся поисками спасенія изъ положенія катастрофическаго. Но новый гуманизмъ, къ которому хотятъ придти, только по имени напоминаетъ былой гуманизмъ; онъ стоитъ уже подъ знакомъ утвержденія, что человѣкъ ничтожество, ноль. Новѣйшій гуманизмъ это утверждаетъ опредѣленно. Сначала отвергли миѳъ о Богѣ, но миѳъ о человѣкѣ сохранился. 19-й вѣкъ стоялъ подъ знакомъ этого миѳа. Сейчасъ должно сдѣлать и второй шагъ — отказаться отъ миѳа о человѣкѣ, ибо антропоцентрической миѳъ остатокъ христіанства, который долженъ быть изгнанъ. — Такъ думаетъ Бруншвицъ.

Гуманизмъ становится отказомъ отъ Бога и человѣка — въ мірѣ происходятъ какіе то творческіе процессы; они происходятъ съ человѣкомъ. Математическая философія считаетъ необходимымъ от-

речься окончательно отъ идеи человѣка, отъ антропоцентризма. Ставить проблемы ужаса смерти, смысла жизни значитъ подходить къ міру съ точки зрѣнія того, что приносить человѣку горе или радость, значитъ находится еще подъ властью антропоцентризма. Этотъ антропоцентрический аспектъ подлежитъ преодолѣнію. Только математическое созерцаніе, какъ внѣчеловѣческое, является абсолютно чистымъ: въ немъ мы соприкасаемся съ истиной въ самой себѣ. Это настроеніе можно было бы назвать «трагическимъ математизмомъ», но съ точки зрѣнія этого теченія отъ слова «трагизмъ» нужно отказаться.

Характерна для переживаемаго кризиса реакція противъ романтизма — въ философіи, въ морали, искусствѣ, въ политикѣ. Намѣчаются попытки возвращенія къ неоклассицизму, но онѣ безсильны. Онѣ являются лишь трансформацией романтизма, принимающаго новую форму — форму своего отрицанія.

Для нашей эпохи характерно исканіе цѣльности жизни, отказъ отъ индивидуализма и тяготѣніе къ авторитету, могущему обезпечить эту цѣльность. Протестъ противъ индивидуализма, атомизма капиталистически - буржуазной культуры проявляется не только въ формѣ социалистическихъ движеній. Въ культурной элитѣ тоже есть тоска о преодолѣніи атомизма, живутъ напряженныя исканія цѣльности жизни и культуры.

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ всего этого по отношенію къ проблемѣ православной культуры?

1). Проблема православной культуры есть проблема христіанской культуры вообще. Мы вступили въ эпоху универсализма всѣхъ формъ культурныхъ достиженій, что, конечно, не отрицаетъ своеобразія національныхъ культуръ. Наступленіе эпохи универсализма связано съ потрясеніями и предполагаетъ иные процессы возрожденія, чѣмъ это было въ пе-

ріодъ изолированнаго существованія одѣльныхъ культуръ. Рѣшеніе проблемы православной культуры не мыслимо въ условіяхъ изоляціи отъ всемірныхъ путей.

2). Православная культура есть, по существу, нѣкоторый парадоксъ, о ней могутъ и должны быть совмѣщены сужденія противоположныя. Можно и должно изъ глубины Православія утверждать великую цѣнность культуры, защищать ее противъ обскурантскихъ отрицаній ея. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя просто утверждать тезисъ объ абсолютной цѣнности культуры, ибо въ культурномъ дѣланіи есть и трагическій моментъ. Нужно утверждать культурное

дѣланіе, звать къ творчеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавать неизбежность трагической неудовлетворенности, сознавать, что въ культурѣ есть и охлажденіе творческаго огня, противостояніе жизни. Не все въ ней есть осуществленное преображеніе міра, неизбеженъ религиозный судъ надъ собой. Трагическое недовольство должно изживаться извнутри въ процессѣ самого культурнаго творчества. Оправданіе культуры — оправданіе человѣческаго творчества, человѣческой исторіи. Конецъ міра включаетъ въ себя и то, что человѣкъ творчески принесетъ къ этому концу.

Этюды о русской культурѣ.

ЭТЮДЪ У.

Н. Федоровъ и преп. Серафимъ Саровскій.

(Продолженіе*).

Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили, что столѣтняя годовщина Николая Федоровича Федорова (1828 - 1903) прошла почти совершенно незамѣченной*). Мы и теперь повторяемъ, что такое невниманіе къ великому мыслителю и праведнику несомнѣнно одинъ изъ тягчайшихъ упрековъ, вписываемыхъ исторіей въ обвинительный актъ русскому, поистинѣ, многогрѣшному обществу. Любопытно, хотя и глубоко печально, что подлинно великіе люди входили въ общество и принимались, имъ, главн. образ., темными сторонами своей личности и своего творчества, тѣмъ, что въ этомъ творествѣ было неумнаго, безобразнаго и плоскаго. Достаточно упомянуть, напр., «Критику догматическаго богословія» Льва Толстого.

*) Вѣстникъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

*) См. мою статью о Н. Федоровѣ «Евразійскій Временникъ». Парижъ 1928. Разработкой этого наброска и является настоящій этюдъ.

Но Н. Федоровъ никогда не былъ повиненъ ни въ грѣхѣ гениальнаго потемнѣнія, ни въ приобщеніи къ кругу ничтожества.

Въ его личности нѣтъ темнаго осадка, онъ насквозь свѣтится, сіяетъ, и слово его — растворено подлинной христіанской солью, — оно отъ Логоса; и въ этомъ много общаго у Н. Федорова съ преп. Серафимомъ. Н. Федоровъ, кажется, единственный русскій человѣкъ (изъ не причисленныхъ официально къ лику свят.) до конца сознававшій отвѣтственность за каждое сказанное слово. Но потому и каждое слово Федорова — драгоценность. Словомъ Логоса созидается міръ, отпаденіемъ отъ него — разрушается. Міръ, несомнѣнно, разрушается развратнымъ пустословіемъ злыхъ глупцовъ, хотя бы они и казались себѣ и другимъ большими умниками. «Благословіемъ праведныхъ созидается градъ, а устами нечестивыхъ разрушается» (Притчи 11, 11).

Гниющему и гноящему прѣсному пустословію расхожей общественности проти-